

Е.Т. Гайдар

Авторитарные режимы: причины нестабильности*

Самый сильный никогда не бывает настолько силен, чтобы оставаться постоянно повелителем, если он не превращает своей силы в право, а повиновение ему – в обязанность.

Ж.-Ж. Руссо

Авторитарные режимы – политические структуры, которые не опираются ни на традиционную легитимацию, ни на принятую обществом процедуру формирования правительства и парламента на основе конкурентных выборов. Их лидеры, устранившие политических конкурентов, подавившие оппозицию, поставившие под контроль средства массовой информации, нередко полагают, что пришли навсегда. Они думают, что находящиеся в их распоряжении средства принуждения достаточны для обеспечения стабильности власти. Это иллюзия, дорого стоившая многим. Такие формы организации власти внутренне нестабильны, что связано не с привходящими обстоятельствами или случайностями, а с их природой.

Монархии, опирающиеся на традицию (какой была форма правления при отцах и дедах, ныне живущих, такой будет и впредь), способны сохранять устойчивость на протяжении столетий. Длительность династического цикла в Китае – крупнейшей аграрной цивилизации

* В основу статьи положена глава готовящейся к печати монографии Е. Гайдара "Гибель империи".

Гайдар Егор Тимурович – доктор экономических наук, директор Института экономики переходного периода.

составляет 300–400 лет. Существуют республики и конституционные монархии (а это тоже своего рода демократии¹), продемонстрировавшие способность адаптироваться к беспрецедентным вызовам, связанным с индустриализацией, урбанизацией, демографическим переходом, трансформацией демократии налогоплательщиков в государственное устройство, основанное на всеобщем избирательном праве. Им удавалось сохранять политическую стабильность на протяжении веков.

Авторитарные режимы, которые были бы устойчивыми на протяжении периода, превышающего 75 лет (жизни трех поколений), в истории редки. В этом отношении Рим, от которого в Европе ведется имперская традиция, – исключение. Но в его политическом устройстве переплетались черты авторитарного режима и аграрной монархии.

Большинство государств, которые можно назвать империями, по форме политического устройства были либо монархиями, либо демократиями, но ограничивающими права и свободу жителей метрополии. Даже в тех случаях, когда метрополия была демократией, она не предоставляла жителям колоний права голоса в решении общеимперских проблем.

В этой связи тоталитарный Советский Союз и авторитарная Португалия, власти которых не опирались ни на монархические традиции, ни на демократическую процедуру метрополии, имели общие черты. При всей разнице масштабов произошедших событий не случайно, что в обоих случаях крах режима был по времени совмещен с крушением империи. Вопрос о причинах внутренней нестабильности авторитарных и

тоталитарных режимов – один из важнейших при обсуждении того, что произошло с Советским Союзом в 1980-х – начале 1990-х гг.

Причины нестабильности авторитарных режимов, широко распространенных в периоды, когда база устойчивости традиционных монархий подорвана социальной трансформацией, а предпосылки формирования стабильных демократий еще не сложились, – предмет анализа данной статьи.

Вызовы ранних этапов современного экономического роста и авторитаризм

Характерная черта аграрного общества² – долгосрочная устойчивость способов организации производства, расселения, занятости. Верность традициям, следование примеру отцов и дедов – основополагающий элемент их устройства. Перемены – это сожженные деревни, вытоптанное посевам. В аграрном обществе монархия, опирающаяся на многовековую традицию, с понятным порядком престолонаследия – естественная политическая организация.

М. Олсон писал, что при династическом наследовании власти вероятность того, что старший сын короля лучше всех способен выполнять обязанности правителя, невелика. Однако граждане тем не менее справедливо полагают, что они выиграют, если глава государства передающий власть по наследству, будет руководствоваться пользой страны в долгосрочной перспективе, что согласие в вопросе о том, кто будет следующим правителем, выгодно для всех [Olson, 2000]. При стабильных монархиях редки кровопролитные, разоряющие крестьян

¹ Конституционные монархии, в которых глава государства выполняет церемониальные функции, а ключевые политические вопросы – формирование исполнительной власти, финансы, законодательство – контролирует парламент, по сути, являются демократическими режимами.

² Под аграрным обществом принято понимать тип социальной организации, сформировавшейся после неолитической революции, освоения и распространения в мире навыков земледелия и разведения скота. Такое общество доминировало в мире на протяжении тысячелетий.

войны за престолонаследие после кончины государя. Они случаются, но как исключение, а не правило. Устойчивость правящей династии заставляет государя рассматривать страну как достояние, которое будет принадлежать детям и внукам. Отсюда необходимость заботиться о сохранении достатка подданных, не изнурять их разорительными налогами. Стабильность политического устройства позволяет формировать нормы поведения, связанные с представлением о добродетельном государе, правителе, соблюдающем традиции, заботящемся о процветании страны. Конфуцианство – яркий пример идеологии, обосновывающей такое правление.

Правила перехода власти в аграрных обществах, роль, которую играют представительные органы (народные собрания, совещания знати) в определении порядка наследования после смерти монарха, различаются. И все же для большей части аграрного мира монархия, в которой наследник престола – старший сын правящего монарха, скорее правило, чем исключение.

Формирующаяся в европейских городах-государствах, затем в территориально интегрированных политических образованиях, не являющихся городами, система политических и экономических институтов, основанная на демократии налогоплательщиков, открывает дорогу беспрецедентному экономическому подъему. Это самый серьезный вызов традиционным монархиям за всю тысячелетнюю историю аграрного мира (подробнее см. [Гайдар, 2005, глава 7]). Изменения в экономике, образе жизни подрывают основу политической стабильности наследственной монархии – традицию³. Если для монархии и остается место – то в выполнении церемониальных функций, а не в том, что связано с управлением страной.

³ О взаимосвязи социальных изменений, связанных с современным экономическим ростом, социальной мобилизацией и подрывом традиционных основ легитимности государственного строя, см.: [Deutsch, 1961; Comparative...1964; Lipset, 1960].

К началу XVIII в. образцом для подражания становятся наиболее экономически развитые страны Европы – Нидерланды, Англия – страны с сильными парламентами, контролирующими исполнительную власть. Именно туда едет Петр I, чтобы перенять передовой технологический опыт. Он, разумеется, не думает пересаживать на российскую почву голландские или английские институты, создавать авторитетный парламент. Но для него очевидно, где надо осваивать наиболее современные, полезные в военном деле технологии.

В странах Западной Европы, а также в некоторых их колониях опыт развитых государств с влиятельным парламентом (прежде всего Англии и Голландии) порождает сомнения в разумности монархического устройства политической системы. Для американского мыслителя и публициста конца XVIII в. Т. Пейна идея, что старший сын монарха – наилучший правитель, представляется комичной [Pain, 1783].

В континентальной Европе в XVII–XVIII вв. поднимается идеологическая волна, подрывающая веру в разумность абсолютистских монархий как способа политического устройства. В европейском общественном сознании укореняется парадигма, в рамках которой избранные парламенты – необходимый элемент рационального устройства политической системы; крепнет убеждение, что именно они должны устанавливать налоги, определять то, как будут расходоваться государственные финансовые ресурсы, формироваться исполнительная власть. Иные способы организации общества признаются не соответствующими здравому смыслу. Все это подготавливает масштабные изменения в политической жизни, Французскую революцию и восприятие ее идей в Европе.

Распространение этих представлений об устройстве общества, пусть более медленное, чем в северо-западной Европе, видно и на примере России, удаленной от центра европейского развития. Декабристы,

например, были убеждены в том, что сохранение абсолютной монархии несовместимо с обретением статуса цивилизованной, развитой страны.

Подрыв легитимации институтов традиционной монархии не гарантирует, что демократические институты сразу же обретают устойчивость⁴. Даже там, где парламенты имели вековую традицию, их роль была ограниченной: это периодически собирающиеся органы, принимающие решения по вопросам, относящимся к размеру налогообложения, расходованию государственных средств. В качестве таковых они – привычный, устоявшийся институт. Трансформация их в высший орган власти – разрыв с традицией. С таким переходом связаны смуты и беспорядки.

Когда монархические установления не легитимны, а демократические еще не стабилизировались, возрастает вероятность того, что кандидат в правители, способный опереться на силу, может навязать свою волю обществу, не считаясь с тем, какое политическое устройство большинство граждан считает разумным и приемлемым. В этом политическая основа авторитарных режимов Европы⁵, таких как режимы О. Кромвеля и Н. Бонапарта. Угроза такого развития событий в странах, вступивших в процесс современного экономического роста, сохраняется надолго. В Западной Европе с ее многовековой парламентской традицией последние авторитарные режимы были демонтированы и заменены демократическими лишь в середине 1970-х годов⁶. Восточная Европа отстала в этом отношении на полтора десятилетия.

⁴ Я пользуюсь распространенным определением демократии как политического режима, в рамках которого тех, кто управляет страной, выбирают в ходе конкурентных выборов. С этой точки зрения демократия – политическая система, в которой правящая партия не имеет гарантии от поражения на очередных выборах (см. [Przeworsk...2000]).

⁵ Авторитарными называют политические режимы, в которых власть переходит к новому правителю не на основе определенных и принятых обществом правил, не по праву престолонаследия или на основе демократических процедур, а по праву сильного; политические и гражданские права и свободы не соблюдаются.

⁶ В 1973 г. – в Греции, в 1974 г. – в Португалии, в середине 1970-х гг. – в Испании.

Один из факторов, облегчавших приход авторитарных режимов к власти, – социальная дезорганизация, связанная с начальными этапами современного экономического роста. Трудность адаптации первого – второго поколений мигрантов из деревни к жизни в городе, разрушение традиционных форм социальной поддержки при отсутствии новых, адекватных условиям урбанизированного общества, создает базу политической мобилизации низших по уровню доходов групп населения. К этому собственники, налогоплательщики, традиционно игравшие ключевые роли в европейском политическом процессе, как правило, не готовы⁷.

Есть страны, продемонстрировавшие способность решить эти проблемы на пути развития демократических институтов. Например, английская политическая система оказалась гибкой и адаптивной, позволила без тяжелого кризиса, шаг за шагом включить все население в состав избирателей. Но так дело обстояло не везде. Страх перед тем, что политическая мобилизация рабочих и крестьян приведет к социалистическим экспериментам, переделу собственности, – важнейший фактор поддержки авторитарных режимов средним классом во второй половине XIX – первой половине XX в. [Huntington, 1993, p. 16-18].

В неевропейском мире, где нет продолжительной истории авторитетных парламентов и возможности опереться на античную традицию, обеспечение политической устойчивости на ранних этапах современного экономического роста – задача более сложная, чем в северо-западной Европе. Контраст военной слабости традиционных режимов и мощи ушедшего вперед Запада (военные поражения, навязанные договора, превращающие неевропейские державы в колонии или полуколонии) разителен. Он делает подрыв базы легитимации традиционных монархий

⁷ Парламентский акт 1624 г. в Англии гласил: "Тот, кто не имеет собственности, не является свободным", (см.: [Hill, 1982, p. 38]).

неизбежным. Для образованной части элиты очевидно, что заимствование европейских образцов, способов политической организации – необходимая предпосылка развития. Однако в обществе нет ни институтов, ни традиций, на которые можно опереться, чтобы провести такую трансформацию, нет унаследованных от средневековой Европы представлений о свободах отдельных групп населения, их праве на защиту от своеволия правителя, нет укоренившегося убеждения в законности сопротивления его произволу, сыгравшего немалую роль в становлении современной концепции свободного общества⁸.

В этом – причина длительного периода нестабильности, институционального кризиса. Легитимность традиционных установлений подорвана, а новые демократические способы организации политической жизни еще не обрели устойчивости. Это те условия, при которых прямое насилие (победа в гражданской войне, государственный переворот) открывает дорогу к власти.

В начале 1960-х гг., когда деколонизация привела к появлению десятков новых государств, многие исследователи считали неопровержимым то, что авторитарные формы правления для них оптимальны. Так, в 1959 г. Де Швейнитц написал, что для экономического роста необходимо ограничить участие общества в политических делах [De Schweinitz, 1959].

Обычно, как отмечалось выше, авторитарные режимы приходят к власти силовым путем. Бывают исключения. Иногда будущие автократы оказываются во главе государства благодаря демократической процедуре и затем используют власть для ограничения прав и свобод граждан. Они могут опираться на потенциал государственных структур или получают возможность применять насилие к оппонентам при отсутствии

⁸ О преемственности средневековых установлений Европы и формировании концепции свободного общества см. [Moore, 1967, p. 415].

противодействия со стороны государства. А. Гитлер – пример политика, использовавшего и ту и другую стратегии.

Независимо от того, каким образом сформировался авторитарный режим, роль насилия в его устройстве высока. До тех пор, пока руководство государства, силовые структуры, общество убеждены, что для сохранения власти, подавления оппозиции правители могут применить силу по отношению к собственному народу, авторитарная власть способна поддерживать политическую стабильность. Если власть и общество в это верят, к репрессиям можно прибегать лишь ограниченно и избирательно. В противном случае их приходится делать массовыми. Но и это не помогает автократу надолго сохранить власть.

Неустойчивость авторитарных режимов

Режимы, пришедшие к власти и удерживающие ее благодаря насилию, в долгосрочной перспективе (речь идет о времени, измеряемом десятилетиями), как правило, нестабильны. Дискуссия о том, достаточно ли силы, чтобы власть признавали справедливой, идет, по меньшей мере, со времен Фукидида⁹. Для Н. Макиавелли то, что власть, основанная лишь на насилии, неустойчива, очевидно¹⁰. О том же писал и Ж.-Ж. Руссо [Руссо, 1998, с. 18].

Отсутствие легитимности, понятного и принятого обществом объяснения, на каком основании лидеры авторитарного режима управляют страной, – причина его неустойчивости. За правительством не стоят ни традиция, переходящая из поколения в поколение, ни понятные и общепринятые процедуры подтверждения законности власти. В этом

⁹ Первый дошедший до нас диалог, документированный Фукидидом, связанный с устойчивостью режимов, основанных на насилии и не воспринимаемых подданными как легитимные, – дискуссия между мелосцами и афинянами [Фукидид, 1999, с. 344-349].

¹⁰ В своей работе "Государь" он писал: "... невесть откуда взявшаяся власть, как все в природе, что рождается и растет слишком скоро, не имеет корней и ответвлений. Почему и гибнет от первой же непогоды" [Макиавелли, 1999, с. 385].

ключевые проблемы, с которыми сталкиваются лидеры подобных политических конструкций. Классические работы, посвященные механизму функционированию авторитарных режимов: [Linz, 1964], [Eisenstadt, 1966, p. 69].

У монарха есть наследник; президент или премьер-министр демократической страны приходит к власти в рамках понятных, принятых обществом правил. В подавляющем большинстве авторитарных режимов установление правил преемственности невозможно. Официальный наследник – угроза автократу. Отсюда риски устойчивости режима в случае смерти или недееспособности создавшего его лидера.

Время показало, что срок существования авторитарных режимов, недолог¹¹. Однако период политической нестабильности, связанной с крушением старых институтов и отсутствием новых, когда на смену традиционным монархиям приходят молодые демократии, а их, в свою очередь, сменяют авторитарные режимы, может растянуться на века.

Как было сказано выше, лидеры авторитарных режимов нередко искренне убеждены в том, что они пришли навсегда. Однако ощущение временности, неустойчивости – характерная черта этого способа организации власти. Даже когда подобные политические структуры формируются при общественной поддержке, обусловленной разочарованием общества в некомпетентных и коррумпированных политиках, пришедших к власти на основе демократических процедур, со временем ситуация меняется и данные структуры начинают восприниматься населением как нелегитимные, общество начинает обсуждать пути и сроки восстановления демократических институтов [Vacs, 1987]. Когда такие дискуссии становятся значимыми, выясняется, что и лидеру режима, и его ближайшему окружению не просто выстроить

¹¹ Средняя продолжительность жизни авторитарных режимов, завершивших свое существование к 1990-м г., составляла 9,3 года. [Przeworski, 2000, p. 50].

то, что называется "стратегией выхода", – набор действий, обеспечивающих их свободу, безопасность и благосостояние после ухода от власти.

Эту проблему хорошо иллюстрирует пример А. Пиночета – одного из самых эффективных диктаторов XX в., проводившего разумную экономическую политику, заложившего основы чилийского "экономического чуда". По его инициативе были внесены соответствующие поправки в чилийскую Конституцию, которые должны были обеспечить его безопасность после отставки. Опыт показал: это не помогает¹².

Пиночет был не первым диктатором, задумавшимся о том, как решать эту проблему. Осознание ее реальности стимулирует распространение коррупции в кругах, близких к верхушке авторитарного режима. Нестабильность положения, ненадежность власти заставляют правящую элиту ориентироваться на короткую перспективу. История не знает случаев, когда бы череда авторитарных правителей уважала права собственности. Статистика демонстрирует взаимосвязь между устойчивостью существования демократической системы и надежностью гарантий контрактных прав [Olson, 2000, p. 21].

Авторитарные режимы выстраивают простую структуру государственной власти. Однако, как справедливо отмечал Э. Бурке, "простые формы правления фундаментально ущербны, если не сказать – хуже" [Burke, 1955, p. 92]. Отсутствие системы сдержек и противовесов, публичной дискуссии, позволяющей сделать информацию о решениях, принятых под влиянием коррупционных интересов, общедоступной, подрывает и без того хрупкую веру общества – да и самого режима – в его право управлять страной.

Одна из попыток ответа на вызовы, связанные с нестабильностью авторитарных режимов, – закрытые, или управляемые, демократии. Это политические системы, в которых формально демократические институты и процедуры сохраняются, но правящая элита договаривается о принципах преемственности власти, контролирует избирательный процесс, предопределяя его исход. Я писал об этой форме политической организации в своей предшествующей работе [Гайдар, 2005, глава 15]. Чтобы не повторяться, отмечу лишь, что стратегически это решение оказывается тупиковым. Страны, сформировавшие в XX в. режимы закрытой демократии, вынуждены были от них отказаться, приступить к формированию функционирующих демократических институтов. Это произошло и в Италии, и в Японии, и в Мексике, считавшихся образцом подобного рода режимов.

Есть и другой ответ на вызовы нестабильности, характерные для авторитаризма, – формирование тоталитарных политических конструкций¹³. По своей сути это подвид авторитарных режимов. Они также формируются не на базе традиции престолонаследия и не в результате конкурентной демократической процедуры. В их становлении и функционировании ключевую роль играет готовность власти применять силу в неограниченных пределах. Специфические черты – более жесткий контроль над ежедневной жизнью людей, чем тот, который считают разумным лидеры авторитарных режимов, и мессианская идеология, призванная обеспечить режиму легитимность. В авторитарном государстве властям важно, чтобы люди не вмешивались в публичную политику, не участвовали в демонстрациях, не выступали с петициями, не обращались к зарубежной прессе с разоблачениями преступлений власти. Что они

¹² Характерный пример правительства, не уверенного в своем праве руководить страной и вынужденного решать «проблему выхода», – бразильский военный режим, пришедший к власти после переворота 1964 г. (см. [Baretta, Markoff, 1987]).

¹³ Под тоталитарными обычно понимают политические режимы, стремившиеся обеспечить контроль над всеми сферами жизни общества. Об их специфике см., например [Minxin Pei, 1994].

говорят на кухне, не имеет значения, тогда как при тоталитарном режиме за анекдот, некорректный по отношению к лидеру режима, рассказанный дома, можно попасть за решетку.

Мессианская идеология – важная отличительная черта тоталитарных режимов. Авторитарный – объясняет свою необходимость прозаическими аргументами: несовершенством демократических властей, значимостью динамичного экономического развития, необходимостью противостоять экстремизму. Тоталитарный апеллирует к религиозным или псевдорелигиозным символам: тысячелетний рейх, всемирный коммунизм, мировой халифат.

Проблема подобного рода идеологических конструкций в том, что они плохо накладываются на реалии современного мира. Исходя из предшествующего опыта, поверить в их эффективность трудно. Идея тысячелетнего рейха подталкивает к мировой войне, краху и капитуляции. Намерение построить мировую коммунистическую систему оборачивается созданием неэффективной и неустойчивой экономики. К чему приведут попытки создать мировой халифат, сколько это погубит жизней, покажет время.

Чтобы адаптироваться к условиям меняющегося мира, нужно помогать или по меньшей мере не мешать процессам глобальной трансформации и связанным с ними социально-экономическим изменениям: урбанизации, росту уровня образования, изменению структуры занятости. Именно необходимость концентрации усилий на экономическом развитии, преодолении отставания от передовых государств – основа идеологических построений, которыми авторитарные режимы оправдывают свое существование. Опыт показывает, что успехи в достижении этих целей не обеспечивают политическую устойчивость.

Мексика конца XIX – начала XX в. – характерный пример влияния динамичного развития на политическую дестабилизацию авторитарного режима. В течение 20 лет, предшествующих 1910 г., темпы роста ВВП

были высокими. Производство минерального сырья, сахара выросло в 4 раза, была создана текстильная промышленность, развита нефтедобыча, построены металлургические заводы и железные дороги. Национальная валюта оставалась стабильной, условия доступа к внешним кредитам – благоприятными. Объемы внешней торговли и налоговые поступления выросли в 10 раз. Все это не предотвратило революцию [Clin, 1963, p. 52; Parker, 1950, p. 308].

Развитие подрывает базу устойчивости недемократических форм политического устройства. В малограмотной, крестьянской стране авторитарный режим может быть устойчивым. Общество не предъявляет спроса на свободу. Те, кому она интересна, – незначительное меньшинство, к тому же нередко понимающее, что свобода может означать эскалацию социальных требований малообеспеченных групп населения, перераспределительный азарт, жертвами которого могут оказаться они сами. Правящий режим опирается на поддержку армии, рекрутируемой из крестьян, безразличной к идеям городских интеллектуалов. Однако по мере индустриализации, роста уровня образованности общества ситуация меняется. Тайвань – пример авторитарного режима, который столкнулся с кризисом легитимности, связанным с трансформацией общества в процессе экономической модернизации. К концу 1970-х гг. Тайвань обладал высокоиндустриальной экономикой, в значительных объемах экспортировал качественную технику и информационные технологии. На этом фоне традиционные методы политического контроля перестают работать. Репрессии подрывают авторитет властей, увеличивают популярность гонимых. Тема коррупции становится предметом общественного обсуждения. Закрытие нелояльных СМИ провоцирует митинги, столкновения протестантов с полицией. Среди интеллигенции растет убеждение в порочности устройства политической системы, необходимости создания общественных установлений, предполагающих конкуренцию между

политическими партиями. В университетах формируются оппозиционные власти сообщества. Беспартийные депутаты, протестуя против произвола правящей партии, покидают заседания парламента. Во второй половине 1980-х гг. руководству режима становится ясно, что сохранить авторитаризм невозможно. В 1987 г. правящая партия – Гоминьдан была вынуждена отменить чрезвычайное положение, разрешить существование иных политических партий [Ларин, 2000, с. 139].

Лидеры испанского авторитарного режима верили, что быстрый экономический рост 1960-х гг. позволит сформировать консервативное общество, не интересующееся политикой. На деле бурный экономический рост спровоцировал политические конфликты, способствовал культурным, социальным и политическим переменам, подорвавшим стабильность режима [Medhurst, 1984, p. 30, 31].

Есть элементы благосостояния, качества жизни, которые невозможно измерить показателями душевого ВВП. Право свободы передвижения, выбора места жительства, участия в решении проблем страны, возможность читать и слушать то, что считаешь нужным, свобода слова – это нематериальные блага, их нельзя оценить в денежном выражении. По мере роста благосостояния спрос на эти права, значимость их для общества возрастают.

Объяснить это людям, прожившим жизнь в стабильных демократиях, трудно. В учебниках они читали о свободах, много раз об этом слышали. Но для них данные права столь же естественны, как возможность дышать. Нетрудно понять, что это важно, но каждый день об этом не думаешь. Я неоднократно сталкивался с левыми интеллектуалами, пытавшимися доказать, насколько прав был Дэн Сяопин, разделивший экономические и политические реформы, начавший с создания функционирующей и растущей рыночной экономики и не ставивший задач политической либерализации. На вопрос о том, за сколько они лично готовы продать свободу слова, такие интеллектуалы почему-то не отвечают и даже

обижаются. Видимо, они полагают, что эти права им, в отличие от других, гарантированы по праву рождения в государстве с устойчивой демократией. Для тех же, кто жил в авторитарных или тоталитарных режимах, понять значение этих свобод проще.

В странах, не имеющих демократической традиции, оказавшихся под властью автократов, с ростом уровня развития спрос на свободы повышается. Остановить его можно силой – главным ресурсом таких режимов. Проблема властей в том, что возможность ее применения в модернизирующемся обществе сокращается.

Даже в аграрном Китае использование войск во время событий 1989 г. в Пекине оказалось задачей, непростой для руководства страны. Пекинский гарнизон был сочтен недостаточно надежным. Войска, необходимые для подавления протеста, были переброшены с советской границы [Куртуа... 1999, с. 433].

Крах авторитарного режима в Южной Корее – пример проблем, связанных с обеспечением политической устойчивости подобных режимов. Крушение там последовало на фоне десятилетий экономического роста, темпы которого были высоки.

Социально-экономическая трансформация приводит к политической мобилизации широких слоев населения, в первую очередь молодежи. Способность властей применять насилие для сдерживания этой политической активности оказывается подорванной¹⁴. Социально-экономическое развитие формирует городское общество. Образованные люди понимают, что имеют дело с нелегитимным, недемократическим, коррумпированным режимом. В этой ситуации можно объединить активное меньшинство, готовое отдать за его свержение все, включая

¹⁴ Во время студенческих беспорядков в Иране в ответ на вопрос "Будем ли мы применять оружие против них?" один из офицеров Гвардии Шаха ответил: "Нет, мы не можем. В конце концов, они же наши дети". (цит. по [Huntington, 1968, p. 211]). Разумеется, можно поставить вопрос о том, был ли

жизнь. В то же время все труднее найти тех, согласен за этот режим умирать.

Куба конца 1950-х гг. при Ф. Батисте – типичный тому пример. Кубинская экономика в 1950-х гг. развивалась достаточно высокими – по латиноамериканским стандартам – темпами. Среднегодовой прирост ВВП на душу населения Кубы за период с 1950 по 1957 г. составил 2,3%. Режиму, столкнувшемуся с вызовом внутреннего вооруженного протеста, хватило воли, чтобы принять меры самосохранения. В стране была введена жесткая цензура СМИ, существовала сильная тайная полиция. Почувствовав опасность своей власти, Батиста значительно увеличил численность армии. пытки и убийство людей, заподозренных в нелояльности режиму, приняли массовый характер. Руководство армии и полиции состояло из людей, близких к Батисте. Они были заинтересованы в сохранении устойчивости режима

После высадки повстанцев Батиста действовал энергично: вокруг зданий, в которых располагались органы власти, выставил полицейские патрули; самолеты и корабли патрулировали побережье; правительственные войска бомбили села, население которых поддерживало повстанцев; сотни людей были посажены в тюрьмы. На улицах валялись трупы тех, кого власти заподозрили в симпатиях к противникам режима [Creeping... 1957, p. 33].

Этого оказалось недостаточно, чтобы остановить революционеров. В декабре 1956 г. их было 82, после высадки в живых осталось 12. Весной 1957 г. журналисты спорили, сколько их – 50 или 100? Осенью того же года уже говорили о 1000. В середине 1958 г. речь шла о 5–10 тыс. повстанцев. Судьбу кубинской революции решило не формальное соотношение числа солдат у правительства и сил повстанцев, а то, что

режим Шаха в Иране к этому времени авторитарным. Ведь по форме это была традиционная монархия. Но тогда стоит вспомнить, что за Р. Пехлеви не стояли поколения царственных иранцев.

общество считало режим Батисты коррумпированным и несправедливым [Че Гевара, 1974, с. 210-217]. Разумеется, Куба, как и Тайвань, Южная Корея никогда не были империями. То, что их объединяло с последними, – право сильного, как основа легитимации институтов существующего режима. Их примеры показывают, сколь ненадежен этот фундамент в современном мире.

Механизмы краха авторитаризма

Прогнозировать время начала кризиса авторитарного режима трудно. Порой он долго не наступает, но когда начинается, то развертывается стремительно, быстрее, чем кто бы то ни было мог предположить. Лидеры авторитарных режимов нередко сами не понимают, почему это происходит. Последний шах Ирана М. Р. Пехлеви, изумленный развитием событий в 1978 г., спрашивал американского посла в Иране Дж. Салливэна: "Меня беспокоит то, что происходящее находится за пределами возможностей КГБ. Значит, это работа британских секретных служб или ЦРУ. Почему ЦРУ решило работать против меня?" [Sullivan, 1981, p. 156].

Механизмы краха авторитарного режима разнообразны. Нередко они связаны с личной судьбой диктатора. Стабильность такой политической структуры зависит от жизни или состояния здоровья автократа, вокруг которого объединилась политическая элита. Со смертью правителя нередко начинается этап распрей в правящей верхушке. Так, уход из жизни Чан Кайши (1975 г.) открыл дорогу демократии на Тайване, убийство президента Южной Кореи Пак Чжон Хи в октябре 1979 г. ускорило процесс демократизации страны.

Иногда механизм развертывания кризиса связан с военным поражением. Яркий пример тому – развитие событий в Аргентине после войны за Мальдивские (Фолклендские) острова.

Информационная глобализация – важный фактор подрыва стабильности авторитарных режимов. В мире начала XX в. подавляющая часть населения плохо представляла себе, что происходит вне их деревни, как устроены другие социальные структуры. XX в. сделал мир интегрированным. Знание того, как устроены политические системы развитых стран, общедоступно. Объяснять народу, особенно его молодой, образованной части, что их сверстники в других странах имеют право на свободу и участие в решении проблем страны, а они – нет, что за них это сделают начальники, на стороне которых сила, – задача, не имеющая решения.

Одна из причин кризисов, приводящих к краху авторитарные режимы, – межнациональные конфликты. Именно поэтому такие режимы менее стабильны в этнически и религиозно разнородных государствах [Przeworski...2000].

Бывают и иные варианты. Краху шахского режима в Иране не предшествовали ни военное поражение, ни смерть автократа, ни острый межнациональный конфликт. Он произошел на фоне благоприятной конъюнктуры нефтяного рынка и роста благосостояния. Но все-таки чаще всего развалу авторитарного режима предшествует экономический кризис.

Мир современного экономического роста динамичен, трудно предсказуем. Достоверное прогнозирование цен на сырьевые ресурсы или курсов мировых валют находится за пределами возможностей экономической науки. Жизнь заставляет адаптироваться к внешним вызовам. Их трудно предвидеть, к ним подготовиться. История XX в. полна примеров кризисов, которых ни национальные власти, ни международное сообщество не ожидали. Это реальность, с которой приходится считаться. Кризиса 1994 г. в Мексике ни квалифицированное руководство Международного валютного фонда, ни американское казначейство не ждали. Нежданным для специалистов стал финансовый кризис 1997–1998 гг. в Юго-Восточной Азии, распространившийся затем

на постсоветское пространство и Латинскую Америку [DeLong, 2001; Dornbusch, 2001; Goldstein, 2000].

В конце 1990-х годов была опубликована подготовленная на высоком профессиональном уровне книга, посвященная проблемам, с которыми столкнулись нефтедобывающие страны на фоне падения цен на нефть в 1980-х гг. Индонезия в ней рассматривалась как пример успешной адаптации к изменившимся условиям мирового развития [Amuzegar, 1999]. До того как книга успела выйти в свет, индонезийский режим в результате событий в Юго-Восточной Азии рухнул [Violence... 2001; Hal Hill, 2000].

Столкнувшись с экономическим кризисом, правительству приходится сокращать бюджетные расходы, повышать налоги, девальвировать национальную валюту, ограничивать импорт, сокращать дотации. Все это – тяжелые, непопулярные меры. Чтобы проводить их, режим должен быть уверен, что общество их примет или что он способен использовать силу для предотвращения возможных беспорядков.

Слабость авторитарных режимов, столкнувшихся с подобным кризисом, в том, что они не обладают ни первым, ни вторым ресурсом. Обществу, воспринимающему режим как нелегитимный и коррумпированный, объяснить необходимость принятия набора экономических мер, суть которых в "затягивании поясов", трудно. Коррупция, которую при росте благосостояния воспринимали как явление неприятное, но неизбежное, на фоне кризиса становится вызовом представлению о разумном и справедливом устройстве общества.

Краху авторитарного режима предшествует период нестабильности – время, когда этот режим теряет остатки легитимности. В ретроспективе его начало определить не трудно. Скажем, в Иране оно относится к 1970–1978 гг., когда шахский режим усиливал контроль секретных служб за ежедневной жизнью граждан, репрессии против оппозиционных лидеров. В 1970 г. в Иране по политическим причинам не была взорвана ни одна бомба. В 1972 г. число политически мотивированных взрывов достигло 13.

В 1974 г. прошли студенческие беспорядки, волнения, связанные с продовольственным снабжением в Тегеране. С середины 1970-х гг. стала расти привлекательность идей радикального фундаментализма. В 1977–1978 гг. череда массовых демонстраций, сопровождающихся применением насилия, становится характерной чертой жизни страны [Authoritarian... 1987].

Если автократ сохраняет контроль над силовыми структурами, он может подавить общественное недовольство привычными для авторитарного режима способами, показав, что способен пролить столько крови, сколько нужно, чтобы сохранить власть. Но в кризисной ситуации убеждение в нелегитимности и нестабильности режима нередко распространяется и на солдат, сержантов, младших офицеров. Когда диктатору особенно нужны лояльные силовые структуры, они перестают работать.

Проблемы нестабильности авторитарных режимов не кончаются с их крушением. В отсутствие легального политического процесса, парламента, влияющего на жизнь общества и поэтому ответственного, центрами притяжения оппозиции оказываются самые простые лозунги. Суть их стандартна: "Смерть продажному антинародному режиму"; "Справедливость и перераспределение" (взять все и поделить); "Нет – режиму национальной измены" (радикальный национализм). Сочетание подобных лозунгов – сильное средство борьбы против режима. Оно характерно, например, для возглавляемого Кастро движения 26 июля на Кубе 1950-х гг. Попытки воплотить в жизнь эти лозунги – не лучшая гарантия построения стабильной демократии¹⁵.

¹⁵ Немало людей, работавших в кубинских органах власти после революции и впоследствии эмигрировавших, говорили мне, что приняли это решение после того, как поняли, что Куба для Кастро интереса не представляет. Для него она: в рамках программы-минимума – средство начала антиамериканской революции в Латинской Америке, в рамках программы-максимум – инструмент уничтожения Соединенных Штатов.

Авторитарный режим при всей его нелегитимности – функционирующая власть. На улицах есть полиция, поддерживающая порядок; если страна относительно развитая, то дети ходят в школу, в больнице можно получить медицинскую помощь. Тем, кто не пережил крах авторитарных режимов, трудно понять, что их конец означает крах институтов, обеспечивающих хоть какой-то закон и порядок¹⁶. Решения американских властей в Ираке летом 2003 г. о дебаасизации, роспуске полиции и армии саддамовского режима, принятые без оценки их последствий для обеспечения порядка на улицах, надежности энергоснабжения, сохранности имущества государственных учреждений, – наглядное тому свидетельство.

То, что способность власти монополизировать применение насилия – важнейший элемент стабильного государственного устройства, известно, по меньшей мере, со времен публикаций классической работы М. Вебера [Weber, 1919]. При крахе авторитарного режима способность новых властей применять насилие для обеспечения порядка ограничена, иногда подорвана. Даже когда существовавшие силовые структуры не расформируются, они теряют вкус к продолжению собственной деятельности. Для них не ясно, насколько устойчива новая власть, не вернется ли старая, будут ли они наказаны за сотрудничество со сменившимися правителями. В этой ситуации естественная стратегия – ничего не делать.

У политических режимов, приходящих на смену авторитарным, нет исторической легитимации, традиций, обеспечивающих устойчивость власти. В этом состоит фундаментальная проблема, связанная с крахом

¹⁶ В. Липпман справедливо отмечает: "Нет ничего более важного для человека, чем жить в сообществе, которое является управляемым, хорошо, если самоуправляемым, замечательно, если хорошо управляемым, но в любом случае – управляемым". [New York... 1963]. Последний номер основанного Н. Карамзиным и продолженного М. Стасюлевичем журнала "Вестник Европы" за январь–апрель 1918 г. наглядно демонстрирует характерное для общественного сознания российской либеральной интеллигенции непонимание того, что крах несовершенного и коррумпированного режима может

авторитарных политических систем: ничто не гарантирует, что за ним последует формирование устойчивых демократических институтов¹⁷.

Опыт показывает, что в решении этой проблемы немалую роль играют внешние факторы. В Центральной и Восточной Европе после прекращения советского контроля влияние Европейского союза, перспектива членства в этой организации, объединяющей сообщества высокоразвитых стран, стали важным фактором стабилизации демократии. В Латинской Америке после завершения "холодной войны", когда прагматический принцип "Может быть, он и сукин сын, но это – наш сукин сын" вышел из моды, влияние Соединенных Штатов способствовало обеспечению стабильности демократических институтов. Но подобные факторы действуют отнюдь не во всех регионах мира.

Испания – развитая европейская страна с давней парламентской традицией, политическая элита которой осуществляла мирную трансформацию авторитарного режима в демократию. В 1980-х годах она стала членом Европейского сообщества. Тем не менее на протяжении почти 10 лет после ухода каудильо Ф. Франко руководство страны было вынуждено решать трудные проблемы обеспечения контроля гражданских властей над армией. Страна неоднократно оказывалась на грани военного переворота [Maravall, 1982; Gilmour, 1985]. Это пример того, насколько сложен переход от авторитаризма к демократии даже в благоприятных условиях.

В политологической литературе, посвященной поставторитарному переходу, аксиомой считается, что для обеспечения успешной трансформации надо разделить политические и экономические преобразования, не смешивать их, убедить общество, что попытки

привести к крушению государственных институтов, хаосу в экономике и обществе, делающему привычную, несовершенную, но нормальную жизнь невозможной [Нольде, 1918]

¹⁷ О трудностях стабилизации демократических режимов после краха авторитаризма см. [Transitions... 1986].

совместить радикальное изменение политической системы и экономической структуры – задача неразрешимая [Transitions... 1986, р. 41. Проблема постсоциалистической трансформации в том, что в отличие от других авторитарных режимов в социалистических устройство политической системы неразрывно связано с организацией ежедневной экономической жизни. Политическая нестабильность накладывается на то, что социалистическая система управления экономикой не может работать вне тоталитарного политического контроля. Она разваливается, когда контроль государства за всеми сторонами жизни общества ослабевает.

Список литературы

Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005.

Куртуа С., Верт Н. и др. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М., 1999.

Ларин А.Г. Два президента, или путь Тайваня к демократии. М., 2000.

Макиавелли Н. Избранное. М., 1990.

Нольде Б. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. Петроград, 1918. Январь–апрель.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998.

Фукидид. История. М., 1999.

Че Гевара Э. Эпизоды революционной войны. М., 1974

Amuzegar J. Managing the Oil Wealth: OPEC's Windfalls and Pitfalls. London, New York, 1999.

Authoritarian Regimes in Transition. Washington: Foreign Service Institute of the US Department of State, 1987.

Baretta S.R.D., Markoff J. Brazil's Abertura: A Transition from What to What? // Authoritarians and Democrats Regime Transition in Latin America // Pittsburgh, 1987.

Burke E. Reflections on the Revolution in France. Chicago, 1955.

Cline H.F. The United States and Mexico. Cambridge (Mass.), 1963.

Comparative Social Problems. New York, 1964.

Creeping Revolt. Cuba // Time. 1957. January 7. P. 33.

De Schweintz K.Jr. Industrialization, Labor Controls and Democracy // Economic Development and Cultural Change. 1959. Vol. 7. № 4.

DeLong J.B. International Financial Crises in the 1990s: The Analytics. November 2001 <http://www.j-bradford-delong.net/>.

Deutsch K.W. Social Mobilization and Political Development // American Political Science Review. 1961, September. Vol. 55. P. 494, 495.

Dornbusch R. A Primer on Emerging Market Crises // NBER Working Paper № 8326, 2001.

Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. New Jersey, 1966.

Gilmour D. The Transformation of Spain: From Franco to Constitutional Monarchy. London, 1985.

Goldstein M. IMF Structural Programs. Paper prepared for the NBER Conference on Economic and Financial Crises in Emerging Market Economies. Woodstock, Vermont, 2000. October 19-21.

Hal Hill. Indonesia: The Strange and Sudden Death of a Tiger Economy // Oxford. Development Studies, 2000. Vol. 28. № 2.

Hill Ch. The Century Revolution 1603-1714. New York-London, 1982.

Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968.

Huntington S.P. Third Wave. Democratization in the Twentieth Century. Norman-London, 1993.

Linz J. An Authoritarian Regime: Spain / E. Allardt, Y. Lettunen (eds.). Cleavages, Ideologies and Party Systems: Contributions to Comparative Political Sociology // Transactions of the Westermarck Society, 1964. Vol. 10.

Lipset S.M. Political Man. New York, 1960.

Maravall J. The Transition to Democracy in Spain. London-Canberra-New York, 1982.

Medhurst K. Spain's Evolutionary Pathway from Dictatorship to Democracy // The New Mediterranean Democracies: Regime Transition in Spain, Greece and Portugal. London, 1984.

Minxin Pei. From Reform to Revolution: The Demise of Communism in China and the Soviet Union. Cambridge (Mass.), 1964.

Moore B.Jr. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, 1967.

New York Gerald Tribune. 1963. December 10.

Olson M. Power and Prosperity. Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships. N. Y.: Basic Books, 2000.

Paine Th. Common Sense and Other Political Writings. New York-London, 1783.

Parker H.B. A History of Mexico. Boston, 1950.

Przeworski A. et al. Democracy and Development. Political Institutions and Well-Being in the World, 1950-1990. Cambridge (Mass.), 2000.

Sullivan W.H. Mission to Iran. New York, 1981.

Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions About Uncertain Democracies. Baltimore, 1986.

Vacs A.C. Authoritarian Breakdown and Redemocratization in Argentina // Authoritarians and Democrats. Regime Transition in Latin America. Pittsburgh, 1987.

Violence and the State in Suharto's Indonesia. New York, 2001.

Weber M. Politik als Beruf. München, 1919.

© Е. Гайдар, 2006